

Сентября 30 (13 октября)

Священномученик Прокопий (Попов)

Вплотную к воде широкого Юга подходит село Шолга Вологодской губернии. Неподалеку от берега выстроен большой стройный храм во имя Пресвятой Троицы. Приход – больше ста деревень, и в самой Шолге благочиние, служат три священника, два диакона и три псаломщика.

Уже катилась по России смута. Прежде гражданской – духовная, и кому как не священникам было видеть падение и опустошение нравственное. Внешне жизнь для некоторых материально благоустраивалась, но уже предчувствовался грозный конец. Постучишь по дереву на вид здоровому, а звук обнаружит – дупло.

Шла Первая мировая война; одним тогда казалось, что стоит Россия непоколебимо, а другие уже тогда видели, что дело идет к концу. Еще задолго до революции настоятель храма о. Прокопий Попов, показывая церковному попечителю царские деньги, сказал:

– Вот, Василий Васильевич, придет скоро время, когда эти деньги, николаевские, на стены будут лепить, и никому они не будут нужны.

Для благочестивого попечителя это прозвучало как призыв к революции. Разгневавшись, он едва удержался, чтобы не отчитать резко священника. Прошло время, пало правительство царское, мутной волной унесло правительство временное, и вся тысячелетняя история России стала крениться и перекраиваться, все радужные краски погасли, и будущее затмилось.

Произошла революция, наступил 1918 год, большевики организовали карательные отряды, которые по всей стране истребляли священнослужителей и пользовавшихся авторитетом населения мирян. 13 октября, перед праздником Покрова Божией Матери, каратели явились в Шолгу и арестовали о. Прокопия. Посреди поля была вырыта яма. Уверенные в своей силе и безнаказанности, они решили расстреливать днем, не препятствуя народу присутствовать.

Когда-то римские воины-язычники, видя бесчинные убийства христианских мучеников, исповедовали себя христианами. Ныне на глазах паствы убивали пастыря – и она беззвучно отдавала его на расправу¹.

Новоявленные властители показывали, что предела жестокостям не будет, и эта безжалостная решимость действовала на население парализующе. Это было время наглого, торжествующего зла.

Отец Прокопий встал перед могилой, помолился, попрощался с прихожанами, земно поклонился им и сказал:

– Простите меня, грешного.

Прихожане заплакали. Священник снял рясу, подал ее сыновьям, которые все это время стояли рядом, и остался в подряснике. Затем повернулся лицом к востоку, снова помолился и сказал:

– Я готов.

Раздался выстрел. Отец Прокопий упал. Вторым выстрелом он был убит.

Поначалу священник был погребен здесь же, на поле, но сыновья стали просить разрешения перенести его тело на кладбище. Власти отказывали, но

родственники не прекращали хлопот, и наконец им дано было разрешение похоронить священномученика на кладбище села Косково.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 5»
Тверь. 2001. С. 278-279

Примечания

¹ Имея в виду подобного рода случаи, Поместный Собор 1917/1918 годов принял решение: в те приходы, где прихожане не пытались защитить своего пастыря, другого священника не посылать.